

© 1996 г.

А. КРЭСТЕВА

ВЛАСТЬ И ЭЛИТА В ОБЩЕСТВЕ БЕЗ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Любое исследование элит исходит из презумпции власти, независимо от того, артикулировано это или нет.

Первый факт, с которым мы сталкиваемся, - это полное игнорирование понятия власти в коммунистическом дискурсе. Политический язык совершенно забывает его. Партийная бюрократия заинтересована в имперсональном понимании власти. Она предпочитает такие термины, как «научное управление», «объективные законы», «система», поскольку они не раскрывают ее контроля над обществом. Стимулируя использование данных понятий, ограничивая другие («власть» и «элита»), она успевает наложить на дискурсивное поле собственный взгляд на общество и легитимировать свое место в нем.

Посткоммунизм «открыл власть». Тема сразу же заполнила средства массовой информации и научную периодику. Ей посвящались многочисленные дискуссии, конференции, «круглые столы»: «Художник и власть», «Интеллектуал и власть» и т.д. Понятие стало использоваться массово, но в целом негативно. Властные отношения всегда предполагают отношения оппозиции. Власть есть Другое - нечто, что противостоит мне, сила, перед лицом которой я должен самоопределиваться. Данное употребление термина генерализуется - мы обнаруживаем его и в интеллектуальных текстах, и в политических декларациях.

«Забывая» понятие «власть», коммунистический дискурс стремится «испарить» политику как сферу силы, контроля, влияния. Используя его только отрицательно - и насколько отрицательно! - молодая посткоммунистическая элита демонстрирует свое понимание политики не как соревнования между различными силами, а как смертельной схватки. Последние перемены свидетельствуют о том, что это «драматичное» понимание начинает уступать место более нормальному пониманию власти как средства регулирования конфликтов и поля принятия решений. Но все еще не достигнут баланс между аналитическими и оценочными суждениями.

Аналогичные тенденции могут быть идентифицированы и по отношению к понятию элиты. В результате комбинирования действий двух групп причин - «эпистемологических» и «онтологических» - коммунистическая элита бытовала как «невидимая». Она не артикулировалась в теории. Социальные науки не концептуализировали данное понятие как элемент социальной структуры и фактор социальной динамики. Причины подобной нечувствительности теории к проблематике элиты можно обобщить в две группы: теоретические и онтологические.

В марксистской парадигме развитие мыслится в категориях борьбы классов. Однако в концепции развитого социализма, например, начинает исчезать и этот классовый критерий социальной стратификации: народу предписывается преодолеть все различия (между рабочими и крестьянами, между умственным и физическим трудом). Элита отклоняется. Она отстраняется, как и все остальные факторы социального различия - экономические, социальные, профессиональные, идеологические... В обществе, декларировавшем предпочтение ценностей равенства, дискурс не может конституировать те группы, которые эксплицитно выражают неравенство: как в функциональном (одни

управляют, другие являются управляемыми), так и в оценочном отношении (одни выше других).

«Онтологическим» измерением «невидимости» элиты является отсутствие видимого политического поведения - обращений политических сил, интервью с лидерами, скандалов, компроматов, писем-обвинений, опровержений... Сейчас мы настолько заняты гиперактивностью наших новых лидеров, что почти забыли, насколько она новое явление в политической жизни. Лиц членов Политбюро мы не различали, даже их имена помнил небольшой круг людей. Они назывались коллективными именами - «ПБ», «ЦК» и мыслились как «орган», а не как лица.

Даже когда они появлялись «живьем», это происходило на дистанции - на трибуне мавзолея, в президиумах. Личное присутствие индивидуальности подменялось символами власти. Подмостки митинга, трибуна торжественного собрания недвусмысленно отсылают к пирамиде: лидеров мало и они наверху, массы много и она внизу.

Молчали и самые мощные средства создания образов - масс-медиа. «Элита» не появлялась и не говорила. Мы узнавали о ее позиции в анонимных редакционных статьях, в необозримо длинных материалах конгрессов и пленумов. С телевизионного экрана эти же тексты озвучивали не представители элиты, и даже не политические комментаторы, а дикторы телевидения. Это анонимное вещание еще более отделяло «невидимых» и даже создавало им известный ореол. Звучало только слово, сколь анонимное, столь и властное, всепроникающее и недискутируемое.

Первым предвестником перемен было появление коммунистических лидеров на голубом экране.

Элитская «парадигма» утвердилась как одна из самых распространенных объяснительных моделей, и свидетельством тому явилось ее присутствие даже у исследователей, которые на нее не ссылаются эксплицитно и даже не знакомы с ее классическими и новыми достижениями, но охватывают политическую жизнь в очерченном ею горизонте.

Властна ли посткоммунистическая элита?

Полагаю, что самой адекватной стартовой позицией для исследования является классическая концепция властной элиты Райта Миллса, изложенная в его одноименной книге. Он определяет членов элиты как людей, чьи позиции позволяют им подняться над окружающими и принимать решения со значимыми последствиями.

Первое преимущество институционального понимания элиты - то, что оно предоставляет солидную базу для эмпирической идентификации. Ее членами являются представители высших кругов, управляющих главными институтами в трех основных сферах общества - экономике, политике, армии. Группы элиты в этой связи различаются следующие: политическая (как управляющая, так и находящаяся в оппозиции), экономическая, военная. Некоторые добавляют сюда и профсоюзную элиту. Особое место и растущее значение в информатизирующемся обществе получают элита масс-медиа и академическая (научная).

Р. Михельс сформулировал «железный закон олигархии» - ни одно общество не может функционировать без доминирующего класса. Г. Моска акцентировал тот факт, что всегда имеется некое организованное меньшинство, которое управляет, и некое неорганизованное большинство, которым управляют. В обоих случаях фокус направлен на элиты.

Введение понятия во множественном числе - это важная теоретическая артикуляция. Она содействует обоснованию внутренней дифференциации отдельных групп элиты. Она же является и существенной предпосылкой для введения другого ключевого понятия - автономии.

Второе преимущество институционального понимания элиты - то, что оно могло бы

служить теоретическим контрапунктом сугубо оценочного подхода к проблеме, который мы обнаруживаем в многочисленных отечественных публикациях. «Болгарская номенклатура играет в элиту», «Шансы нашей элиты» - типичные для нас заголовки. Внимание сосредоточивается на вопросах вроде того, достаточно ли «элитна» наша элита для того, чтобы признать за ней этот статус.

Первые теоретики элиты исходили из установки, что можно управлять от имени народа, но не через народ. Ввиду своей численности и неорганизованности он не может брать на себя эти функции. В отличие от данного подхода, чья импликация - функциональная «неизбежность» элиты в политически организованном обществе, аксиологический подход рассматривает элиту как модель достоинства. Эти сегодняшние интерпретации, естественно, также имеют теоретических предшественников. В них мы обнаруживаем реминисценции концепции Парето, рассматривающей элиту как высших членов общества, чьи исключительные качества приносят им власть и престиж. Он узаконивает понятие элиты в социологии, но собственное его понимание еще очень близко к повседневному.

После Р. Миллса теория развивается в направлении уточнения понятия элиты на основе разграничения между потенциальной и реализующейся властью, очерчивания значения принятия решений. Эти шаги исключительно эвристичны, поскольку подчеркивают динамическую сторону процесса принятия решений, активности, которая скрывается нередко за внешне пассивными результатами непринятия решений. В принятом нами институциональном понимании критерием идентификации элиты является не ее самооценка, а наличие ресурсов власти и использование их для принятия решений с важными и масштабными последствиями. С этой теоретической позиции на вопрос подзаголовка я бы ответила положительно.

Кроме общетеоретических аргументов, положительный ответ может быть подкреплён и соображениями о специфике посткоммунистической элиты. Посмотрим, с помощью каких концептуальных инструментов она может быть наиболее адекватно описана. В марксистском понимании управляющие принимают решения, выражающие и отстаивающие интересы экономически господствующего класса. Согласно либеральным концепциям демократии, элита руководствуется определяющими направлениями общественного мнения. В самих теориях элит подчеркивается высокая степень автономии элиты. Общественное мнение, разумеется, задает рамки, соблюдение которых есть условие поддержки элиты со стороны общественного мнения. Однако эти рамки настолько общи, что не определяют конкретных направлений деятельности элит. Другой аргумент в пользу более высокой степени автономности элит в посткоммунистических странах в сравнении с либеральными демократиями - это более низкая структурированность гражданского общества, которое не очень эффективно в отстаивании и формулировании своих интересов. Этот вопрос будет рассмотрен более развернуто в последней части статьи.

Плюрализм элит

Коммунистическая элита чаще всего концептуализируется как «номенклатура» - термин, который всегда фигурирует в единственном числе. Он фиксирует фундаментальную специфику - ее нерасчленимость, необособленность на отдельные функциональные группы. Она появляется в непрестанной переброске кадров из партийного сектора в хозяйственной и *vice versa*. О профсоюзной элите, отличной от партийной, говорить не приходится.

Одна из радикальных перемен в наши дни - это «рождение» отдельных групп элиты и, в результате, их дифференцирование. Об экономической элите при социализме можно говорить только с большим приближением, поскольку «собственник - государство, а предприятие лишь хозяин». Сейчас экономическая элита рождается в буквальном смысле - как собственник. Уже произведена на свет многопар-

тийная политическая элита, чья бурная деятельность приближает спектакль на посткоммунистической сцене к западнодемократическим. Рождается и профсоюзная элита, отличная от государственной и противостоящая ей (все еще остающейся главным собственником), дифференцированная на внутренние группы с различной политической ориентацией.

Экономическая элита

Одним из парадоксов посткоммунистического развития является опережающее обособление экономической элиты, контрастирующее с очень медленным протеканием процессов, имеющих целью обеспечение ресурсов, необходимых для автономии элиты. Наиболее вероятное объяснение данного парадокса состоит в том, что посткоммунистическое общество воспроизводит один из основных принципов функционирования общества коммунистического, а именно: власть есть главный экономический ресурс. Эмпирическая верификация данной гипотезы предполагает исследование в двух направлениях: какая часть капитала новой экономической элиты является трансформацией капитала бывшей номенклатуры; как новая политическая элита использует свои властные ресурсы, чтобы придать экономическим переменам те темпы и конфигурацию, которые могли бы обеспечить элите самые благоприятные возможности для трансформации ее собственного политического капитала в экономический. Поскольку подобный анализ выходит за рамки настоящего исследования, мы будем акцентировать внимание только на двух аспектах, на первый взгляд противоположных.

Первый - это противопоставление экономической и политической элит. Показательна «ожесточенная схватка» в 1992 г. между частными газетами и тогдашним болгарским официозом «Демократия» как противоборство равноценных элементов, один из которых владеет экономическими ресурсами, но не имеет мощного политического представительства, а другой обладает политической властью и желает обеспечить себе контроль над экономикой. С впечатляющей стратегией (персонализирование политической ответственности в личностях, чьи прозвища подсказывают, что они не на высоте) первые атакуют основной властный ресурс управляющей коалиции - политический авторитет, возможность принимать стратегические решения. Другая сторона оппонирует с помощью одного коллективного прозвища - «мафия», запечатлевая не особенно видимые экономические центры власти, мощь которой обеспечивается структурами, уже созданными в достаточном количестве областей общественной жизни.

Видимость удаленности противоречий, конфликтов может сделать незаметной (если это не сознательно поставленная цель) опасность корпоративизма. Его сущность заключается в доминирующем влиянии малого количества немногочисленных групп на процесс принятия стратегических решений. Говоря нашим политическим языком, цветом нашей политики манипулируют с помощью лакомых кусочков частного бизнеса. Как удачно отмечает С. Рокан, голоса имеют значение, но решают ресурсы. В интересах государства минимизировать число групп, соопределяющих с ним экономическую политику. Государство легитимирует избранных из них, обеспечивая им представительство и делая их партнерами в процессе выработки экономической стратегии. Взамен оно получает от них поддержку своей политики. Функция партнеров отводится только «ассоциациям ассоциаций», «верховным ассоциациям» (peak associations), супергруппировкам бизнесменов и профсоюзам, избранным государством. Система функционирует на основе соглашений и компромиссов между правительством, ведущими капиталистическими организациями и профсоюзами. Корпоративистские соглашения, как правило, обходят стороной парламентские демократические процедуры, не исключая, разумеется, приложение последних к широкому кругу второстепенных вопросов.

Таковы проявления корпоративизма, очерченные теорией. Не кажется невозможным в нашей практике найти признаки эмпирических референтов.

В противовес множеству теоретических предположений, сомнений, колебаний относительно статуса посткоммунистической элиты, нам хотелось бы начать с тезиса о ее легитимности. Во-первых, в Болгарии она конституирована с помощью «нормальных» многопартийных избирательных процедур: президент и парламент избираются непосредственно народом, правительство - парламентом. Во-вторых, она дифференцирована конституционно. Коммунистическая элита была иерархизированной: бесспорный примат имела партийная элита, за ней своим чередом следовали государственная и хозяйственная элита. Эта иерархия была законодательно упорядочена (КП - руководящая сила общества), но ничего общего с демократической практикой не имела. Наличие трех центров в посткоммунистической элите - парламента, президента, правительства, так же как и сфера действия («правомочия») каждого из них, конституционно упорядочены.

Продолжу анализ, разграничивая политический класс и элиту и вводя понятие циркуляции элит. Первое даст нам возможность увидеть в другом свете часто задаваемый вопрос «кто в сущности управляет?». Второе приблизит нас к фундаментальному вопросу о связи между элитой и демократией.

Политическим классом являются группы, имеющие политическую власть и влияние, непосредственно ангажированные в борьбе за политическое лидерство. Политическая элита - это та часть политического класса, которая реально использует власть в данном обществе в данный момент. Данное разграничение вводится для того, чтобы акцентировать отличие потенциального владения властными ресурсами от его актуализации.

В последние годы мы часто обнаруживаем «неклассическое» упорядочивание политического спектра, когда политический класс в ряде отношений имеет больший вес и влияние, нежели политическая элита. В начале преобразований в Болгарии демократическая оппозиция еще не занимала позиций в политических институтах, но ее влияние росло. Не институт легитимировал ее власть, а наоборот — ее власть «материализовалась» в легитимирующий ее институт- Круглый стол.

Сейчас ситуация существенно изменилась, на месте лишенных содержания институтов коммунистического государства - новые демократично выбранные представительные органы. Общее то, что и сейчас политический вес и влияние СДС непропорциональны занимаемым им позициям. То, что у СДС более нет большинства в парламенте и что его правительство пало, уже стало фактом. Совсем не так автоматически и так резко уменьшается его реальное влияние. Другими словами, СДС отстранен от власти, но не потерял ее. И это по важным причинам, из которых я бы выделила две. Во-первых, СДС и сейчас остается автором дискурса перемен. Не только потому, что обладает монополией на его создание, но и потому, что не имеет конкурентов в деле его продолжения. БСП не может (и знает, что не может) быть лидером в преобразовании того, что она сама создала, в нечто другое. ДПС сосредоточен на выражении частных интересов. Множество других политических образований проявляют себя скорее как визитные карточки своих лидеров, чем как реальные политические акторы. СДС «обречен» олицетворять преобразования (в данный момент).

Во-вторых, СДС реально использует этот свой символический капитал, пытается определять динамику и переконфигурацию на политической сцене. Снова он - автор дискурса новых выборов. А новые выборы означают новые перестановки в политическом классе и политической элите.

Эти рассуждения являются доразвитием институционального понимания элиты в направлении выделения более трудно операционализируемого, но не менее существенного фактора политического влияния при определении направления и скорости преобразований, принятии стратегических решений.

Циркуляция элит есть демократический механизм, который препятствует монопо-

лизированию власти, вливает свежую кровь (в истинно демократической системе не буквально, а в переносном смысле, в форме новых людей, новых идей).

Циркуляция в коммунистической элите не имеет места. В крайнем, сталинском, варианте - «или ты у власти, или ты мертв». Сейчас становится нормальным не быть у власти, но быть во власти: экс-премьер-министры остаются ведущими фигурами на политической сцене, лидеры политических партий свержены, но не исключены из партий и даже не маргинализируются в них.

Циркуляция элиты проявляется в двух основных формах: как замена одной элиты другой и как продвижение неэлиты в элиту. Первая форма была концептуализирована как «волны» перемен: они были инициированы интеллектуалами, начинавшими свою деятельность в диссидентских условиях и продолжившими ее в «романтичный» период «нежных революций». Революционная романтика отшумела, пришло время прагматики власти, что и вывело на передний план профессиональных (в смысле настроев, а не практического опыта) политиков.

Авторитетная роль интеллигенции в политике - явление не без аналогов в других эпохах и цивилизациях (*literati* в Китае, брамины в Индии), но более всего оно характерно для нового времени. Вспомним политический вес интеллектуалов в Просвещении, когда они подготовили политические перемены своей оппозицией к управляющему классу и Церкви.

Не разделяю ностальгических сожалений по уходу интеллектуалов с политической сцены. По двум причинам. Во-первых, интеллектуалы понимают политику как сферу реализации ценностей и осуществления проектов. И сентенция «благими намерениями вымощена дорога в ад», и наш еще свежий исторический опыт иллюстрируют, в какие жестокие (или смешные) карикатуры могут превратиться даже самые светлые идеи. Во-вторых, интеллектуалы должны утверждаться как элита в собственной сфере, т.е. быть не политической, а духовной элитой.

Вторая форма циркуляции элит выражается в подкармливании ее со стороны неэлиты. В отличие от герметичной коммунистической элиты, посткоммунистическая обладает большей пропускной способностью. Эта особенность более всего проявилась в начале перемен, когда в течение месяцев ассистенты стали министрами, адвокаты - премьерами, писательница - вице-премьером. Эта открытость формирующейся демократической элиты была естественной - кроме малочисленных диссидентов и первых партийных функционеров, она не имела других кадровых резервов и должна была рекрутировать своих членов извне. Существенным индикатором жизнеспособности элиты является сохранение этого внешнего источника обновления.

Интеллектуальная элита

С целью оптимизации объема исследования рассмотрим элиту масс-медиа и академическую (университетскую) элиту вместе.

Даже при социализме профессорское звание присуждалось по научным критериям, а не по одной лишь политической лояльности. Это создавало условия для известной функциональной обособленности академической элиты. Успела ли она обернуть свою (относительную) самостоятельность в символический капитал, придать своей обособленности статус автономии?

«Действием тут может стать только то, что до того было глаголом», - пишет Цветан Тодоров о другом обществе и другой эпохе, но этот принцип можно отнести и к коммунистическому. Общество, в котором слова управляют вещами, словно отводит «первую скрипку» интеллектуалам. Однако они не успели исполнить эту партию.

Интеллектуалы создавали теории, проводили дискуссии, защищали точки зрения, но слова - «развитое социалистическое общество», «самоуправление», «перестройство» - изобретала власть. Свое «право» упорядочивать понятийный аппарат она аргументировала как «социальное поручение». Недооценивалось интерналистское понимание социального познания, следующее своей внутренней логике, ищущее ответы на вопросы, которые задали предшествовавшие теории. Фетишизировалось

экстерналистское понимание, поворачивавшее социальную теорию лицом к действительности. Забывалось, что теория может формировать новые понятия как для того, чтобы лучше вписаться в жизнь, так и для того чтобы дистанцироваться от нее, с тем чтобы ее понять. Новые понятия создаются, чтобы пролить свет на уже поставленные вопросы, но также и для постановки новых.

Интеллектуальная элита с перманентным успехом старалась быть на высоте своих функций. Духовное не подлежит ранжированию, но, почти карикатурно опрощая, я бы сказала, что более убедительно автономный дискурс производило искусство, нестойких и частичных результатов достигла и социальная наука, а журналистский дискурс труднее всего эмансипировался от политического.

Все элиты имеют символическую власть настолько, насколько олицетворяют ценность, дело, идею. Они воспринимаются как «живые символы статус-кво», «истеблишмента», строя, новых идей. Однако имеется одна группа, для которой производство моделей мышления и поведения является не артефактом, а основным измерением ее власти. Эта группа - интеллектуальная элита (писатели, ученые, журналисты, даже звезды искусства, спорта), и она не случайно иногда определяется как символическая.

Успевает ли посткоммунистическая интеллектуальная элита создать символический капитал, который фундировал бы ее автономию? «Добрые вести» таковы, что уже слышно множество «языков», появились интеллектуальные газеты и журналы различной ориентации и научные дисциплины артикулируются согласно их внутренней логике (десятилетия выходила одна только «Философская мысль»; сейчас, вопреки тяжелой рыночной ситуации, публикуются четыре журнала, каждый с собственным лицом), впечатляюще плюрализм позиций масс-медиа.

«Дурные вести» те, что ключевые понятия все еще производятся властью (или так хорошо вписываются в ее интересы): «элита», «нежная революция», «парламентская (почему не прямая?) демократия». Многие интеллектуалы продолжают видеть свой вклад в демократию в том, что воспроизводят «демократический» дискурс власти.

Многовластие в масс-медиа очень часто просто выражает разногласие между властными группами. Наличие множества центров власти дает возможность некоторым журналистам опьяняться своим критическим пафосом, направленным против интересов одних, опираясь на стабильную поддержку других. Критика стала новым лицом апологетики. Но не забыта и открытая апологетика («Телевидение шагает с победителями», - декларировал свое кредо предыдущий директор телевидения, а нынешний следует уже начертанным курсом). Не умаляя впечатляющих перемен, хочу подчеркнуть, что по крайней мере национальные электронные масс-медиа все еще не успевают превратить свою огромную мощь в «четвертую власть», т.е. независимую и eventualmente противостоящую другим.

Социальная функция интеллектуала - быть критиком власти. Речь не о том, что политик - не интеллектуал, или о том, что интеллектуал не может быть политиком. Речь о различных социальных ролях и о необходимости их разграничения. Первая не должна подчинять себе вторую, а та, со своей стороны, не должна обслуживать первую.

Политик - человек действия, интеллектуал - духа. Один - реалист, а другой рассматривает реальное в более широком контексте возможного. От первого ожидается конструктивность, от второго - критичность. Прагматик должен выбрать оптимальную стратегию, теоретик - разработать множество альтернатив. Политик строит общество, интеллектуал сомневается в нем, для того чтобы оно было построено лучше.

Элиты и демократия

Этот вопрос - один из фундаментальных для любого исследования элит в обществе, которое строит демократические институты и демократическую культуру. Благоприятствует или мешает этому процессу появление элит? Ответ непрост и

неоднозначен, его следует рассматривать с двух сторон: каковы те особенности, которые выдвигает теория элит для того, чтобы элита стала фактором демократического характера политической системы; возможна ли демократическая теория элит.

Р. Арон подчеркивает, что монолитная элита означает конец свободы, а разрозненная - конец государству. В этом суждении синтезированы два существенных тезиса: значение внутренней дифференциации элит как условие либеральной системы; идея (не)стабильности государства как функции взаимоотношений отдельных групп элиты.

Г. Моска отмечает, что при феодальной системе члены правящего класса исполняют все правительственные функции: экономические, судебные, административные и военные. Бюрократическое управление характеризуется специализацией функций. Коммунистическая элита подобна гибриду двух форм: будучи элитой модернизирующегося общества, она, естественно, специализирована. В то же время партийная элита проникает во все остальные группы и контролирует их. Посткоммунистическая элита развивается в направлении обособленности отдельных групп. Этот путь труден, потому более характерны скандалы, конфликты, отставки (или угрозы таковых), которые свидетельствуют о непрестанных попытках вмешательства одной группы элит в другую (например, исполнительной власти в военную или судебную). Но это же свидетельствует и об отпоре, сопротивлении, отказе от добровольного подчинения других групп.

Л. Филд и Дж. Хайли (1980) разграничивают несколько видов внутренних отношений между группами разъединенных и объединенных элит. Последние в свою очередь бывают идеологически и консенсусно объединенными. Существует и одна промежуточная форма - не совсем объединенная элита. Там, где элита разъединена, власть время от времени нерегулярно переходит от одной фракции элиты к другой путем переворота.

Хотя идеологически объединенная и консенсусно объединенная элиты являются разновидностями одного и того же вида, они в корне противоположны с точки зрения демократии. Именно в наличии первой Р. Арон видит основополагающее отличие обществ советского типа в сравнении с западными демократиями. Идеологически объединенная элита создает одну-единственную идеологию и не толерантна к своим диссидентам.

При консенсусно объединенной элите политические институты стабильны, политические конфликты относительно умеренны, вероятность для управляющих при утрате власти быть уничтоженными или отстраненными от политической сцены очень мала.

Релевантность данного разграничения при идентификации факторов успешной демократизации Филд и Хайли иллюстрируют историческими примерами. В начале века в большинстве стран Латинской Америки, Среднего Востока и Африки консенсусно объединенных и частично объединенных элит почти не существует. Без учета этого фактора, некоторые западные либералы верят, что введение демократического избирательного права, уважение индивидуальных свобод и многочисленные конституционные реформы являются достаточным условием трансформации нестабильных нелиберальных режимов в стабильные либеральные политические системы. Сегодняшнее состояние этих режимов показывает, что подобное понимание есть результат не столько аналитического подхода, сколько *wishful thinking*.

Логично было бы предположить, что реакция посткоммунистической элиты на идеологически объединенную коммунистическую развернется гаммой различных проявлений: профсоюзные стачки с требованием отставки правительства и президента, призывы к запрету коммунистической партии. Все еще очень «нецивилизованным» оставалось отношение к партиям, не вошедшим в парламент. Отошла на задний план их роль в политической жизни, проблематичной стала даже их «легитимность» («раз уж они не получили доверия избирателей...»). Эти оценки можно дать практике взаимодействия отдельных групп элиты. Что касается «теории» - позиций, декларированных в программах, — тут с уверенностью можно говорить о

консенсусе. Во-первых, потому что цели общие. Во-вторых, потому что легче идентифицировать сходства, чем различия: в либеральных программах звучит очень мощно и социальный дискурс (необходим популистский прием для привлечения электората, настроенного преимущественно эгалитаристски), в социал-демократических обнаруживаем достаточно либеральные заимствования (обязательный элемент при переходе от одной, более социальной, к другой - более либеральной системе).

Что касается второго вопроса - возможна ли демократическая теория элиты - прислушаемся к ответу ее собственных теоретиков. Отношение классиков к концепции демократии варьирует в гамме резервированность-враждебность. Современные теории начинают сплетать интеллектуальные ниши между двумя полюсами, некоторые даже видят в этом свою основную теоретическую цель. Р. Арон заключает, что при демократии наличествует ясная дифференциация между государством и обществом, а власть управляющих ограничена и контролируема. С. Липсет аргументирует идею относительно независимых центров власти как определяющего фактора перехода от недемократических к демократическим режимам. С. Айзенштадт ставит два условия жизнеспособности современной демократической политической системы (условия, несовместимые лишь на первый взгляд): дифференциация элит, приводящая к соревнованию между отдельными властными центрами; солидарность элит, выражающаяся в консенсусе касательно основополагающих центров и правил политической игры.

В согласии с теоретиками элиты считаю, что структура элиты и способ использования властных ресурсов находятся в прямой - если не каузальной, то коррелятивной — связи с устойчивостью демократической системы. Самыми релевантными для описания этих связей являются следующие требования к элите: плюрализм, существование обособленных групп элиты; автономность отдельных групп друг от друга; консенсус относительно базисных ценностей и основных правил демократической политической жизни.

Но, в отличие от них, считаю, что теория элит не является самым удачным ключом к разворачиванию потенциала демократии.

Даже если преувеличены утверждения, что теории элит консервативны, элитичны, неэгалитарны и недемократичны, бесспорно то, что они структурируют социальные ценности иным способом, нежели демократические концепции.

Вторая и более существенная причина та, что поскольку артикулированно концептуализирует только элиту, теория не может убедительно идентифицировать различие между демократическими и недемократическими режимами. И в одном, и в другом она видит структуры власти, а поскольку ее внимание направлено вверх, власть оказывается представленной более концентрированной, чем она является в сущности.

В «пьесе» об элите существует один-единственный персонаж. Он исполняет все роли. Поскольку это ограничение очень существенно, оно будет дополнительно освещено в заключительной части, где предлагается и возможная теоретическая альтернатива.

Элита и гражданское общество

Теория элиты не успевает убедительно концептуализировать то, что противопоставит элите или просто находится вне ее. В теории классов оба полюса социальной структуры имеют одинаковую понятийную нагруженность: капиталисты и пролетариат. В элитистских теориях содержательно только само понятие элиты. Все остальное в обществе выражается или отрицательными понятиями - «не-элита», или очень аморфными понятиями - «публика», «общественное мнение», «массы». Попытки сократить социальную дистанцию путем трехступенчатой социальной структуры - элита, субэлита, публика (Этциони-Халеви) также не выглядят особо убедительными.

Эта установка была доминирующей в нашем молодом посткоммунистическом информационном пространстве. Одной из инноваций мощной вещательной стратегии

«минутных» газет было фотопредставление политиков. Даже когда текст сообщения был кратким, едва ли не размером с фотоснимок, последний все же обязательно присутствовал. Таким образом, не только телевизионный экран, но и страницы газет культивировали имидж личного присутствия. И лица лидеров изучили, и заодно поняли, что только о них и есть «лица».

Более двух лет потребовалось, чтобы незлита была удостоена той же чести: телепередача «Лица вне новостей», газетные рубрики «Мнения с улицы». Тексты настолько кратки, что мнения почти отсутствуют, но по крайней мере (не)высказывающие их появляются в своем образе. Эти факты, как ласточки, радуют глаз, но погоды не делают. Ее делают журналисты, которые спрашивают: «Меняется ли что-нибудь оттого, что Вы голосуете на выборах?», а желание дать прозвучать и голосу «безголосых», гражданская критика элиты воспринимаются как жест комика.

Наше публичное пространство как будто дословно следует предписаниям теории элит, воспроизводя основные ее теоретические слабости.

Второе существенное ограничение теории элит - неравномерное распределение социальной энергии. Эта проблема фундаментальна для всех социальных теорий. Не будучи в состоянии разрешить ее своим наличным аппаратом, они конституируют специфические термины, к примеру, «авангард» в теории классов, который должен взять на себя роль субъекта социальной перемены. У теории элиты нет проблем с обнаружением субъекта социальной активности - это элита. Ее проблема в том, что она закрывает теоретические перспективы для поиска других социальных акторов.

Р. Арон подчеркивает, что для существования демократии необходимо существование ясной дифференциации между обществом и государством. Коммунистическое общество элиминирует эту границу: в практике - поскольку (почти) нет гражданского общества; в теории - потому что в парадоксальном понятии «общенародное государство» общество полностью растворяется в государстве, превращается в его предикат, теряет свою автономность.

Посткоммунизм сделал видимой - и реально, и в теории - управляющую элиту, но достаточно ли видимо общество? Сейчас оно не ассимилировано, а проигнорировано, не поглощено, а представлено. Представлено так, что остались почти лишь одни представители.

Один из эффектов победоносного шествия современности, самоопределяющегося как «цивилизационный процесс» - это разделение общества на элиту, с одной стороны, а по другую остаются, вопреки внутреннему разнообразию, форсированно гомогенизированные массы. Сыны света против сынов тьмы, разум против предрассудков, цивилизованность против страстей, закон и порядок против грубости и вульгарности. Эта картина дихотомизированного общества с глубокой культурной десинхронизацией и описывает их отношения.

Даже в том случае, когда они описаны в терминах понимания, сочувствия, заботы о состоянии масс и ответственности элит за их рост, эпистемологическая ситуация не изменяется радикально: массы - объект нежной заботы, а не субъект действия и выбора.

Первая тенденция строго аксиологизированного представления асимметричного отношения между элитой и незлитой уже не имеет эксплицитных последователей, а вторая продолжает пронизывать множество сегодняшних интерпретаций.

Если мы хотим обосновать более развернуто понимание носителей социальной энергии, какие ее агенты, за исключением элиты, мы можем указать? Невозможно себе представить народ в качестве теоретической альтернативы. Во-первых, это понятие очень нагружено аксиологически. Во-вторых, оно адресует к некоему аморфному, неартикулированному целому (вспомним концепцию развитого социалистического общества, где полностью исчезают любые партикулярные, конкурирующие, противоречивые интересы).

Не хотелось бы впадать в крайность, ища акторов вне элит, и приписывать всякой социальной силе, которая им противостоит, активность, а активности - положитель-

ный знак. И собственная наша история, и история фашизма показывают, как массы часто могут быть носителями репрессивных тенденций.

В качестве альтернативы активности элит я бы указала на гражданскую активность в демократии участия, или партиципаторной демократии. Это не представительная, а прямая форма демократии. Гражданин не делегирует свои права на участие в политической жизни, а осуществляет их самостоятельно. Ареал и влияние его деятельности более ограничены, но более непосредственно и конкретно выражены его интересы. Положительные стороны этой формы политической активности следующие:

- уже указанное прямое участие;
- создание горизонтальных социальных связей как контрапункт вертикальных иерархий;
- утверждение ценностей солидарности, сотрудничества, взаимопомощи;
- более адекватное выражение широкой палитры интересов и параллельно этому «легитимация» права на парциальный интерес.

В этой связи я бы с сожалением отметила затухающий голос экологического движения в посткоммунистическом публичном пространстве. При появлении на политической сцене оно играло двойственную роль: как вызов политической системе и как игнорирование регламентированных норм гражданской и политической активности. В посткоммунистических условиях оно расслоилось, включилось в политическую игру. Не потому, что расслоилось, а потому что всеми своими формами включилось в «большую» политическую игру, оно потеряло (на сегодня) шанс утвердиться как один из островков партиципаторной демократии.

Надеюсь не быть ошибочно понятой. Партиципаторная демократия - это не магический ключ к демократии. Самыми существенными являются институты последней, а они фундируют и власть управляющих элит. Введение понятия демократии участия имеет целью очертить другие субъекты социальной активности, кроме элит.

Заглавие заключительного параграфа подсказывает, что понятия элиты и гражданского общества концептуализируют общество и социальные перемены различным образом: первое рассматривает их в перспективе сверху вниз, второе - наоборот. Асимметрично распределена и ответственность, а соответственно также власть: в одном случае она принадлежит управляющей элите; в другом - чем развитее гражданское общество, тем более дифференцированы в нем интересы, тем более проявлены усилия адекватно выразить их и более силен контроль над их последовательным представлением.

Эти две теоретические перспективы не обязательно альтернативны, они могут быть и взаимно дополнительными, фиксирующими исследовательский взгляд на различных элементах социальной системы, каждый из которых имеет специфическое, но одинаково существенное значение.

Не будем забывать о социальной ответственности социальных наук: они не только анализируют, но и формируют свой объект, предоставляя обществу понятия для его самоосмысления и ранжируя приоритеты в обществе по отношению к этому понятийному аппарату. Посткоммунистическая элита, как видим, действующая (не обязательно эффективно), уже имеется. А достаточно ли зримо, жизненно и активно гражданское общество?

Ответом на этот вопрос было бы новое исследование с новым проблемным центром - гражданским обществом.

Перевод с болгарского З.И. ПЕЙКОВОЙ